

путь не к просветлению, а к вечной разлуке, пугающе похожей на смерть: «...гуру-джи даст Шарме сигнал, и тот откажется от своей нынешней жизни, уедет из Нью-Йорка, оставит медицину, пациентов, друзей и учеников. Он вернется в Индию, чтобы предаться окончательно одиночеству йогического созерцания... Иначе говоря, мы больше его не увидим».

Если же говорить об универсальной картине мира, то книга Александра Стесина все же намечает одно перспективное направление для ее создания. Персонажи разных историй внутри книги часто вступают друг с другом в диалог. В финале звучит вопрос: «Вот ты занимаешься педиатрической онкологией и при этом говоришь, что веришь в Бога. Так объясни мне, зачем Он создал опухоль, от которой умирают двухлетние дети?» Отвечает

другой герой, совсем не тот, кому вопрос был адресован: «Вера — это умение прощать Аллаху». Простить того, кто может помочь, но не хочет этого сделать, сложно. Простить можно того, что помочь и спасти хочет, но почему-то не может. Проблема теодицеи становится разрешимой, если допустить, что бог не всемогущ. Может быть, он слишком занят, может быть, устал, может, у него далеко не все получается так, как ему бы хотелось. Вдруг и у него бывают моменты, когда все валится из рук, все ломается, а он не успевает чинить. Тогда вряд ли он создал опухоль специально, для устрашения и наказания. Возможно, она непредвиденно возникла как какой-нибудь нежелательный побочный эффект и бог еще и сам пока не придумал средства от нее. А как придумает — даст нам знать...

Дмитрий Артис

Принцесса пишет

Стихи Евгении Джен Барановой возникают из абсолютной тишины, над ними не довлеет грохочущий внешний мир, они чисты и прозрачны. Работает исключительно фантазия автора. Случайно подмеченные (или неслучайно зафиксированные на уровне подкорки) ситуации перерабатываются, очищаются от шелухи — от «фантиков». Эмоциональная составляющая низводится, прячется за второй-третий план, а на первом проступает «светлая пыль» — акварельные — паучки, свиданьица, воробьи, кузнечики, зайки, лазалки и, конечно же, ручейки.

Сначала шрифт пойдёт курсивами,
а после сердце занырнёт,
туда, где лыжники красивые
с ботинок отбивают лёд.

Евгения Джен Баранова. Хвойная музыка//
М.: Водолей, 2019.

Героиня стихотворений — почти сказочная принцесса нового времени, которая перед тем как сесть за компьютер, чтобы написать очередной сногшибательный текст, говорит:

— Всем тихо! Принцесса пишет стихи!

Слуги начинают перешёптываться, шикать друг на друга:

— Тихо, тихо! Принцесса пишет!

...а потом замолкают.

Во все уголки королевства отправляются глашатаи, чтобы донести радостную весть до верноподданных:

— Всем тихо! Принцесса пишет стихи!

Королевство будто вымирает. Кузнец перестаёт стучать молотом по наковальне, торговец — зазывать народ в лавку, мельник стопорит мельницу, даже младенец в люльке не просит у мамы молока, а мирно засыпает.

Через некоторое время принцесса встаёт из-за компьютера и произносит:

— Всем радоваться! Принцесса написала стихотворение!

Во дворце объявляется званый ужин, собираются высокопоставленные гости, всюду музыка, песни, пляски. Кузнец берёт в руки молот, торговец объявляет день скидок, мельница начинает снова крутиться, а младенец орать в три горла и тянуться к мамкиной титьке.

Автор борется с реальностью (одно стихотворение — одна схватка, два — две, десять — десять и т.д.), и чаще всего выходит победителем, благодаря чему в сознании читателя возникают два равноправных мира — тот, с которым он ежедневно сталкивается, и тот, который рисуется в его голове во время чтения. Дальше сложнее: встаёт проблема выбора.

Ничто так не страшит, как опасность принять неправильное решение — обмануться, пойти не той дорогой, свернуть не в ту сторону. Одно дело, когда силой принуждают — есть на кого свалить ошибки, а другое — сам: винить будешь только себя. Ведь насколько проще существовать, когда нет выбора. Никакой ответственности, живёшь и радуешься в заданном направлении. А тут — на тебе... Уйти в мир «хвойной музыки» или остаться в своей реальности?

Попробуем внимательнее посмотреть в сторону мира «хвойной музыки».

В книге четыре части:

«*Какие все мёртвые*» — название первой — сухая реплика. Скорее, констатация факта, чем глас вопиющего в пустыне. Нет восклицательного знака на конце, отвечающего за экспрессивную окраску. Нет вопросительного, точки, троеточия... Из названия трудно вытащить какую-либо эмоцию: боль, печаль, сожаление. Но чем суше звучит название, тем ярче образы в стихах. Автор проводит параллель между своим миром, где «улыбаются киты», и тем, что мы видим и знаем из мира своего, в котором «киты спят».

Ключевая фраза первой части, брошенная в сторону, но будто обращённая в адрес читателя: «авось отыщет в женщине ребёнка». Первичен дух, а не материя, в которую он — дух — облакается. Важен не сам текст, а то, что он даёт читателю — его дух.

«*Цветные семена*» — вторая часть, по сути, тот момент, когда автор начинает отделять зёрна от плевел — «отбрасывает фантики»,

снимает шелуху «слой за слоем». Иносказания почти не используются. Больше прямых обращений. Ясная (декларативная) позиция, чуть свысока: вот это конфета, а вот это — обёртка.

Потому что вы не вечны.

Вечен лишь тулуп овечий.

В конце этой части «мёртвые», о которых так много писалось в первой, начинают мыслить и расти. Им приписываются способности живых.

Стоит отметить, что некая попытка оживить «мертвецов», научить их дышать, верить, чувствовать — это основная тема книги. Но здесь, безусловно, не игра в доктора Франкенштейна. Автор не собирается из разных частей тела умерших людей сшить нового человека и вдохнуть в него жизнь. Не берёт на себя функцию Бога. Частое употребление слова «мертвец» и всех производных от него в обращении к окружающим, скорее, желание растормошить живущих, вытащить из той условности, в которой они завязли, расширить рамки бытия.

На вооружении у автора напоминание о том, что все «мы» (условные «мы — читатели») были когда-то детьми. Отсюда вытекает название третьей части:

«*Когда был маленьким*». Автор набирает обороты. Всё реже встречаются уменьшительно-ласкательные. Слово «тихо» оборачивается в «тихохонько» — на выдохе, будто через междометие «ох», но никак не в детское заигрывание с читателем — «тихонечко». Речь становится жестче. Точность зашкаливает. Ничего лишнего. Дыхание строк прерывистое. Читаешь стихи, будто поднимаешься по лестнице. Картинки из детства, вспыхивающие перед глазами, больше похожи на первые признаки агонии, когда организм (сам, произвольно) начинает бороться с угасанием жизненных сил. Активизируются все органы чувств: лучше видишь, слышишь. На языке появляется солоноватый привкус. Тянешься за сигаретой, но одёргиваешь руку, потому что замечаешь где-то там — вдалеке — курящего человека и тебе достаточно того дыма, который он выдыхает.

Когда был маленьким,

то всё казалось длинным:

фонарь, линейка, мусоропровод.

Теперь всё коротко — летит июль пчелиный, колючий март царапает живот.

Сиди себя тихохонько да слушай,
как пух пылинки городу сдаёт.
Когда был маленьким,
хотелось лампу-грушу.
Теперь не хочется,
теперь не до неё.

Закрывает эту часть стихотворение «Хвоя», от которого пошло название книги. К слову сказать, самого словосочетания «хвойная музыка» в сборнике нет. Есть только это стихотворение, построенное на обращении к «Матушке-хвое», которая молчит, какие бы вопросы автор ей ни задавал. Получается, что «хвойная музыка» — та самая абсолютная тишина, с которой я начинал разговор. Тишина, как ответ на все вопросы.

Интересно отметить, что образ хвойных веток обычно используется в двух случаях: когда речь идёт о праздновании Нового года или же когда описывается похоронное шествие. Здесь переплетаются две традиции, одна из которых связана с радостью, а другая — с горем. От подобного переплетения отталкивается четвёртая, заключительная часть:

«Несоответствие». Сразу не поймёшь, чего в этой части больше: глубокой человеческой трагедии или же лёгкой иронии / самоиронии?

Смысловой строчки из стихотворения Ивана Сурикова «В степи» (строчка у Сурикова «Снег да снег кругом» в народной переработке «Степь да степь кругом») доводится автором до прямого высказывания: «Смерть да смерть кругом...» Слышны отголоски Надсона и Мандельштама. Упомянуты Блок, Пушкин, Булгаков. Мертвец, пробежавшийся пунктиром по первым трём частям, «улы-ба-ет-ся», то есть не просто двигается, но даже выражает эмоции со знаком «плюс». Игра с глаголами и прилагательными, сниженная лексика рядом с возвышенной, персонажи детских сказок и древнеегипетские фараоны — множество прямых линий соединяются в одной точке, пересекаются и, дополнив друг друга, снова расходятся в разные стороны, двигаются каждая по своей траектории.

Несоответствия зимы,
её пронзительная прелесть,
в пересечении прямых...

Зима, как полное обновление. Один мир умер, да здравствует мир другой! Прямые линии сходятся и расходятся, а в королевстве тишина, потому что принцесса пишет. Не будем ей мешать.

Леонид Бахнов

«Их протирают, как стекло»

Из тех мест на Земном шаре, о которых рассказывает в своей книге «Антропологические путешествия» Татьяна Щербина, в 77,8% я никогда не был и вряд ли когда-нибудь побываю (подсчитано приблизительно точно).

Завидую автору.

Но зависть быстро проходит, потому как прочитав буквально два-три эссе, из которых состоит книга, понимаешь: одно дело осваивать

описываемые автором места даже очень вдумчивым взором и совсем другое — знакомить с ними так, как это делает Щербина.

Суть даже не в том, что это, как говорится, проза поэта. Ну, кто иной может написать, например, так: «Во время дождя сидела и смотрела, как у океана пена изо рта идет и время от времени он плюется медузами. После дождя подошла к кромке, рассмотрела валяющихся на песке — будто из рисовой муки эти твари вылеплены, но ужасно несимпатичные, тесто комом».

Татьяна Щербина. Антропологические путешествия. — М.: АСТ, 2019 (серия «Table-Talk»).